

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин

Сатирическая повесть для театра

Жил-был на свете Аристарх Петрович Кузькин, и жила-была жена его, Вера Сергеевна... Впрочем, почему – жили, они и теперь живут, а это и есть рассказ про их жизнь: какая случилась с ними и с их друзьями непредвиденная печальная история. Обоим им под сорок, конкретные, жилистые люди; у Аристарха Петровича интеллигентная плешь, маленькие, сведенные к носу глаза, он большой демагог, не лишен честолюбия. Вера Сергеевна – тоже демагог; но нет того мастерства, изящества, как у Аристарха Петровича, она из рабочей семьи, но тоже очень честолюбива и обидчива. Он и она – из торговой сети, он даже что-то вроде заведующего, что ли, она – продавщица ювелирного магазина «Сапфир». Была у них трехкомнатная квартира. Все было бы хорошо, но... Про это «но» много уже рассуждали – да: НО...

Аристархушка крепко пил.

И пил, собака, изобретательно.

Вечер, который незаметно превращается в ночь

Аристарх назвал гостей пять человек, заставили письменный стол шампанским, коньяком, икрой в баночках... В комнате у Аристарха накурено и шумно – что-то такое, кажется, обмывали, может быть, автомобильные покрышки, потому что в коридоре лежали автомобильные покрышки, пять штук.

Вера Сергеевна много боролась с пьянством мужа, обозлилась вконец и отрешилась. Сидела в своей комнате и смотрела телевизор, нарочно запустив его на полную громкость, чтобы хоть как-то помешать этим идиотам, которые шумели в комнате Аристарха.

Гости шумели.

– Ты ль меня, я ль тебя любить буду!.. – пел один, вовсе лысый; и все одно: «ты ль меня, я ль тебя:»

– Ну, полетели?! Вы, полетели?! – приставал ко всем курносый человек в очках и смеялся, и махал руками, как птица, и все звал: – Ну, полетели?!

– Рано, рано, – говорил Аристарх. – Тут еще полно всяких мошек.

Похоже, этот курносый хотел затеять какую-то знакомую игру, в перелетных птиц, что ли, но еще не все наклюкались. А один – с большим брюхом – не знал что это такое – «полетели». И тоже приставал ко всем:

– А куда полетели-то? А? Куда это лететь-то?

– На Кудыкину гору!

– Куда, куда?

– Туда!..

– Да он же не знает, чего ты озверел-то? – остановил Аристарх одного чернявого, который обозлился на этого, с брюхом.

– Ну, полетели же! – стонал курносый.

– Ну, полетели, – сказал Аристарх.

Присели на дорожку, налили по чарочке...

– Прощай, родина, – грустно сказал Аристарх. – Березки милые...

Курносый всерьез заплакал и замотал головой.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Полянки... Простор...

Чернявый дал кулаком по столу.

– Не распускать нюни!..

– Инстинкт, – сказал один пожилой с простым лицом.

– Выпили на дорожку! – пригласил Аристарх.

Все выпили... Аристарх первый поднялся из-за стола, пошел, открыл дверь комнаты, вернулся и стал наизготове посреди комнаты.

– Я – вожак, – сказал он.

За «вожаком» выстроились остальные пятеро...

И они «полетели»... Они замахали руками, закурлыкали и мелкими шажками потянулись за «вожаком». Сделали прощальный круг по комнате, «вылетели» в коридор, пролетели, курлыкая, через комнату Веры Сергеевны и очутились в третьей комнате, где был тоже стол и холодильник.

Они сели, печальные, за стол... А Аристарх доставал из холодильника коньяк.

– Далеко теперь наши березки, – сказал курносый; он уже опять готов был плакать.

– А я люблю избу! – громко и враждебно сказал человек с простым лицом. – Я вырос на полатях, и они у меня до сих пор – вот где! – он стукнул себя в грудь. – Обыкновенную русскую избу! И вы мне с вашими лифтами, с вашими холодильниками...

– А коньячок-то любишь – похолодней, – вставил чернявый.

– Он и в погребе будет холодный.

– В погребе он будет плесенью отдавать, – сказал брюхатый. – Ты попробуй поставь на недельку в погреб – потом выпей: плесенью будет отдавать.

– Сам ты плесень! – свирепел человек с простым лицом. – Свесил на коленки... По какому месяцу?

– Только... знаешь... не надо, – обиделся брюхатый.

– Не надо? Не надо и вякать, про чего не знаешь!

– Хватит вам, – хотел утихомирить Аристарх. – Это вечная тема...

– Вот в деревне-то у тебя не было бы такого брюха! Ты бы там не жрал на ночь бифштексы кровавые, боров, а утром не валялся бы до двенадцати...

– Ты!.. Жлоб! – прикрикнул брюхатый. – Ты грузишь тару – грузи дальше, а язык не распускай, а то на него наступить можно!

– Да хватит вам! – встрял опять Аристарх.

– Деревню он любит!.. – тоже очень обозлился брюхатый. – Чего ж ты не едешь в свою деревню? В свою избу?..

– У меня ее нету.

– А-а... трепачи. Писатель есть один – все в деревню зовет! А сам в четырехкомнатной квартире живет, паршивец! Я... – брюхатый ударил себя в пухлую грудь. – Я в коммунальной тогда жил, а он – в такой же – один...

– Как один? – не понял чернявый.

– Ну, с семьей!.. Но я – в коммунальной и никуда не призывал...

– Ему за это деньги хорошие платят, что призывает, – вставил курносый.

– Я его один раз в лифте прижал: чего ж ты, говорю, в деревню-то не едешь? А? Давай – покажи пример! А то – понаехало тут... не пройдешь. В автобусе не проедешь...

– Брюхо надо нормальное иметь, тогда и проедешь, – сказал человек с простым лицом. – А то отрастили тут... на самом деле, не проедешь. По какому месяцу, я тебя спрашиваю?

– Грузите бочки апельсинами! – огрызнулся брюхатый. – Избу он любит... Полати он любит... А дулю с маком любишь? Ну, и катись отсюда!

– Вот: я занимаюсь погрузкой, – показал свой кулак человек с простым лицом, – поэтому он у меня тренированный: разок двину, так у тя сразу выкидыш будет.

– Ну!.. – громко огорчился Аристарх, – прилетели в жаркие страны и давай тут... Мы же в жарких странах!

Все засмеялись.

– С прие... это – с прилетом! – воскликнул чернявый.

(Мы уж теперь так и будем называть их: чернявый – это Чернявый, брюхатый – Брюхатый, курносый – Курносый, лысый, который все песенки поет, – это Лысый, а человек с простым лицом будет, для краткости, – Простой человек).

– С приехалом! – поддержали Чернявого.

– С прилетелом! – сострил Аристарх.

– А мне здесь не нравится, – заявил Лысый. – Вообще мне вся эта история с журавлями... не того... не очень. Давайте споем?

– Выпить же надо, – сказал Простой человек.

– Да, елочки!..

– Коньяк стоит, а мы...

– С прилетелом! – еще раз громко сострил Аристарх.

Выпили.

– Споем? – предложил опять Лысый. И запел:

Из-за острова на стрежень,
На просто-ор речной волны-ы:
Его поддержали Чернявый и Курносый.

Эх, выплыва-ают расписны-ые
Стеньки Ра-азина-а челны...

Но песня не сладилась – не вышла. – Поехали обратно! – предложил Брюхатый. – Мне здесь тоже не нравится.

– Полетели?! – выкрикнул радостно Курносый. – К березкам!

– Я больше не полечу, – наотрез отказался Брюхатый. – Я поеду поездом.

– Идея! – закричал Лысый. – Едем поездом. Прихватим с собой на дорожку, будем на станциях выходить...

– Можно всю дорогу в вагон-ресторане просидеть, – предложил Простой человек. – Я раз из Воронежа ехал...

– Нет, нет!.. – кричал Лысый. – Нет, мы нормально сядем, в поезд, выпьем на дорожку...

– Можно с собой взять...

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не надо! – Лысый воодушевился и сильно кричал. – Не надо! Зачем? Мы нормально сядем в поезд, выпьем на дорожку...

– Можно сразу... Слушай суда! – закричал тоже Простой человек. – Мы – сели, поклади чемоданы – и в вагон-ресторан...

– Да иди ты со своим вагон-рестораном! – оборвал его Брюхатый. – Дай сказать человеку. Когда это ты в вагон-ресторане сидел?

– Я не сидел! – гордо сказал Простой человек. – Я там ночевал!

– Мы нормально сядем в поезд, – продолжал Лысый, – выпьем на дорожку...

– Ты только один в вагон-ресторанах сидишь, да? – Простого человека задело за живое, что Брюхатый ему не верит.

– Так, дальше? – слушал Брюхатый Лысого. – Выпили на дорожку?..

– Выпили на дорожку, малость проехали – у нас пересадка!

– Где пересадка?

– А вон в этой комнате, – показал Лысый на комнату, где сидела Вера Сергеевна. – Мы ее счас развеселим!

– По вагона-ам! – скомандовал Брюхатый. – Берите с собой на дорожку, а то пять минут осталось!

– А на посошок-то? Э-э!.. – напомнил Чернявый.

– Давайте быстрее! Быстрее, быстрее. – Брюхатый посмотрел на часы. – Четыре минуты осталось.

Тут все оживились, засмеялись, задвигались... Стали скоренько разливать коньяк по рюмкам.

– Скорей, скорей, – суетился Брюхатый. – А то опоздаем.

– Успеем. Он не точно отходит...

– На ходу запрыгнем.

– Ты-то запрыгнешь, а некоторые... могут родить на рельсах, – это Простой человек все кусал Брюхатого. Тот снисходительно посмотрел на него.

– Я предлагаю вот этого... жлоба не брать с собой, – сказал он. – Он напьется, и нас из-за него в милицию заберут.

– Ничего! – кричал Лысый. – Дернули!

Выпили.

И «побежали на поезд». На этот раз в голове строя стал Брюхатый и запыхтел, и даже ногой подстукивал.

– Пх-х, пх-х, пх-х... Ну, сели?

– Сели.

– Ту-ту-у!.. – тонко и выразительно «загудел» Брюхатый и медленно стронулся с места. И «поехали»...

«Выехали» в комнату Веры Сергеевны... Брюхатый стал «замедлять ход» и опять тонко, с какой-то даже тоской «прогудел»:

– Ту-ту-у!..

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Вера Сергеевна с ненавистью смотрела на «поезд».

– Пересадка! – объявил Брюхатый.

«Пассажиры» вышли из вагона... Расселись кто где смог: кто на тахту присел, кто на кресло... Простой человек сел на полу прямо.

– Много народу на вокзале, – сказал он.

– Вы давно сидите, гражданка? – любезно обратился Аристарх к Вере Сергеевне.

– Нет, я недавно. А вот вам... не знаю, сколько сидеть придется, – как-то значительно сказала Вера Сергеевна.

«Пассажиры» переглянулись.

– То есть? – не понял Аристарх.

– Я эти... путешествия с выпивками пресеку раз и навсегда, – опять зло и непонятно сказала Вера Сергеевна. – Вы у меня подудите... Подудите у меня, паразиты.

– Что, контролеры пришли? – испуганно спросил Простой человек с пола. – А у нас билеты-то есть?

Брюхатый засмеялся и хлопнул одобрительно по плечу Простого человека.

– Да это так – путают, – сказал Чернявый. – Гражданочка, а вы что, билет не можете достать?

Вера Сергеевна больше не смотрела на «пассажиров», а смотрела телевизор.

– Ну, а почему же сразу – «паразиты»? – оскорбился Аристарх.

– А кто же вы? – повернулась Вера Сергеевна. И зло смотрела на мужа. – Ну – спекулянты, если не паразиты: еще хуже.

– Гражданочка, – опять заговорил Чернявый весело, – вы нас с кем-то спутали: мы обыкновенные пассажиры... Едем на свои денежки.

– Вот и проезжайте. А потом вас повезут бесплатно.

– Куда это? – тоже зло спросил Аристарх. – Куда это нас бесплатно повезут?... – он двинулся было к жене, но его остановил Брюхатый.

– Стоп, Аристархушка! – сказал он разумно. – Никаких скандалов на перроне... Нам действительно пора ехать. По вагонам! – опять скомандовал он.

И все опять со смехом построились в затылок друг другу, Брюхатый опять «загудел» – и «поехали» в комнату Аристарха. А в комнате рассыпались и стали занимать места за столом.

– Хоть нормально посидим в ресторане, – пожаловался Лысый. – А то все – в дороге и в дороге... Все всухомятку как попало...

– Что будем заказывать? – обратился ко всем Чернявый.

– Лично я, – сказал Простой человек, – выпил бы простой водочки. А?

Брюхатый интеллигентно скосоротился на это.

– Пусть пьет водку. А нам, пожалуйста, шампанского...

– И коньячку, – подсказал Курносый. – На меня шампанское, как пиво работает: я то и дело бегаю.

– Итак, – подвел Аристарх, перебросив полотенце с одной руки на другую, – коньяк, шампанское... Водки, извините, не держим.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну, как же так – не держите?! – возмутился Брюхатый. – А если человек на полатах вырос?.. Что ему, ваш коньяк пить?

– Ерша ему! – подсказал Курносый.

А Вера Сергеевна в это время выключила телевизор, достала бумагу, ручку... И села писать.

И дальше, – если вообразить, что это на сцене, – можно услышать, что она пишет. Причем уже слабо слышно, как там «сидят в ресторане» наши «пассажиры», а отчетливо слышен голос Веры Сергеевны:

«Уважаемый товарищ прокурор!

В то время, когда все наши люди занимаются производительностью труда, есть отдельные элементы, которые только хотят есть и пить. И занимаются этим каждый день. Вы меня спросите: на какие деньги? Я вам отвечу: они занимаются спекуляцией. Я уже не могу слушать их пьяные голоса, меня глубоко возмущает, как они импровизируют свои дела, а потом по всей ночи курлыкают или изображают из себя пассажиров...»

«Пассажиры» в это время танцевали летку-енку.

«Вот сейчас, когда я пишу Вам это заявление, они танцуют летку-енку. А в коридоре лежат покрышки для „Волги“ в количестве пять штук. Вы думаете, где они их взяли? Они их сымпровизировали. Так что, я думаю, что при вашей помощи они станцуют более ответственный танец и поедут пассажирами на казенный счет, я им об этом намекнула. Они мой намек не поняли, только понял мой муж Аристарх, но он думает, что я только пугаю. А у меня уже всякое терпение мое лопнуло: мы перестали уважать друг друга, потому что, мне кажется, он импровизирует не только с покрышками, но и с чужими женщинами...»

Утро

Утром Аристархушка проснулся с больной головой... Потянулся к стулу, где был всегда заготовлен стакан с водой. Стакан стоял на месте, а под стаканом – бумага. Аристарх взял бумагу и прочитал:

– Копия...

И побежал глазами по бумаге... И, даже еще не дочитав всего, вскочил и побежал в комнату жены.

Вера Сергеевна, одетая, заслышав его шаги, направилась к выходу... И тут ее перехватил Аристарх.

– Ты что? – спросил он.

– Что? – спросила Вера Сергеевна. Она стояла с сумочкой и сумочку держала у груди.

– Ты куда?

– Туда...

– Куда это туда? – спросил Аристарх зло, сквозь зубы. – Куда это туда?

– Ударить хочешь? – спросила Вера Сергеевна спокойно. – Ударь – получишь лишних три года.

– Вера... – Аристарх растерялся. – Сядь... Давай сядем, поговорим. В чем дело?

Вера стояла в шубке, а Аристарх в нижнем белье... Аристарх был жалок рядом с каракулевой шубкой.

– Давай сядем, – суетился Аристарх. – Сядь же ты!.. Скотина.

– Пусти!

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Вера!.. Прости – ну вылетело. Сядь, я прошу.

– От этого ничего не изменится, – Вера Сергеевна села на диван, на краешек.

– В чем дело? – спросил Аристарх. Подставил стул к двери и сел тоже. – Что случилось?

– Мне надоело! – закричала Вера Сергеевна. – Мне надоела ваша пьяная самодеятельность! Я тебе не служанка!..

– При чем тут служанка? Ну, повеселились... Что, пошутить нельзя?

– С кем ты позавчера шутил! У тебя весь пиджак был в пудре! С кем?!

– Да мало ли... в автобусе прислонился...

– В автобусе?! А вот эту записку ты тоже в автобусе нашел? – Вера Сергеевна достала из сумочки записку и прочитала: – «Аристарх, голубь, а не пора ли нам бросить этот официоз – и мирно, полюбовно встретиться где-нибудь в укромном уголке?..»

– Это деловое письмо! – вскричал Аристарх. – Дай сюда!

– Да? Шиш! – Вера Сергеевна спрятала записку в сумочку. – Развратник. Спекулянт. Я те покажу – голубь!

– Да это мужчина писал, дура! Это однокурсник мой...

– Однокурсник? А почему же подпись – «Соня»?

– Псевдоним! Мы его в институте так дразнили.

– А почему «твоя Соня»?

Аристарх опять растерялся... И от растерянности больше обозлился.

– Плебейка, – сказал он зло и тихо. – Что, я тебя должен утонченному стилю обучать? Если люди шутят, то шутят – до конца. Если он подписался «Соня», то он последовательно написал «твоя». Твоя – это значит твой.

– Твой Соня?

– Что, врезать что ли? Врежу...

– Попробуй. Так тебе – лет восемь дадут, а так – одиннадцать.

– Ну, чумичка!.. – занервничал Аристарх. – В чем дело-то? Чего ты взбесилась-то?

– Я все там написала.

– Так. И куда ты сейчас?

– К прокурору.

– Сегодня воскресенье.

– Я в почтовый ящик брошу.

Аристарх побледнел... И долго стоял над Верой Сергеевной.

– Я – спекулянт? – спросил он дрожащим голосом.

– Спекулянт, – сказала Вера Сергеевна.

– Я ворую у государства деньги?

– Ворую у государства деньги.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Снимай все с себя! – приказал Аристарх. – Снимай, снимай!.. Это все куплено на ворованные деньги, – Аристарх стал снимать с жены шубку, дорогой костюм. – Это все воровано – чего ты напялила? Снимай!

– Пожалуйста! На!.. На, воруга!..

– Все снимай! Твоего тут ничего нету!

– Что я, голая к прокурору пойду?

– Голая! – Аристарх изловчился, вырвал у Веры Сергеевны сумочку заглянул – там ли заявление: заявление было там. Он достал из сумочки ключи, закрыл квартиру изнутри и ушел с сумочкой и с шубой в свою комнату. И сел к телефону. Дрожащим пальцем набрал номер. – Але? Семеныч? – и Аристарх заговорил негромко и торопливо. – Слушай, срочно ко мне... Да нет! Моя швабра накатала на нас телегу и собралась к прокурору... – Аристарх долго молчал, слушал. – Иди ты к черту! – сказал он. – Созвонись со всеми... давайте как-нибудь все... прощения, что ли, попросим. Уговорим ее как-нибудь. Мне эта Сонька еще подлянку кинула: записку в карман подсунула, я даже не знал... А я знаю? Из-за Вальки, наверно. Давайте. Срочно.

Аристарх бросил трубку, минутку посидел, подумал, оделся, выпил фужер шампанского и пошел с шубой жены и с ее костюмом к ней в комнату.

Вера Сергеевна лежала в нижнем белье на диване.

– Одевайся, Вера, – сказал он миролюбиво. – Давай спокойно поговорим обо всем.

Вера Сергеевна стала надевать костюм, а Аристарх заходил по комнате, как преподаватель вуза.

– Во-первых, – начал он, – ты думаешь, государство наше такое глупое?

– Я об этом не писала. Нечего мне тут...

– Я тебе прочитаю курс экономики! – воскликнул Аристарх. – Чтоб ты не бегала и не смешила прокурора. И прокурор твой, и все, кто всерьез занимается экономикой, прекрасно знают, что – воруют. Больше того, какой-то процент, кажется пятнадцать процентов, государственного бюджета отводится специально – под во-ров-ство. Не удивляйся и не делай детские глаза. Всякое развитое общество живет инициативой... энергичных людей. Но так как у нас – равенство, то мне официально не могут платить зарплату в три раза больше, чем, например, этому вчерашнему жлобу, который грузит бочки. Но чем же тогда возместить за мою энергию? За мою инициативу? Чем? Ведь все же знают, что у меня в магазине всегда все есть – я умею работать! Какое же мне за это вознаграждение? Никакого. Все знают, что я – украду. То есть те деньги, которые я, грубо говоря, украл, – это и есть мои премиальные. Поняла? Это – мое, это мне дают по негласному экономическому закону...

– А сколько тебе дадут по гласному закону?

– Дура!.. – сорвался на крик Аристарх. – Ты думаешь, меня посадят? Ни-ког-да! Посадят – это, значит, я там буду канавы рыть? Но у меня же – голова, и твой прокурор это знает. Прокурор знает, что общество должно жить полнокровной жизнью, моя голова здесь нужна, я здесь нужен, а не канавы рыть. Вот они – покрышки лежат, – показал Аристарх в коридор. – Пять штук. Лежат? Лежат – ты можешь подойти и пощупать их: они есть, – Аристарх остановил свой вузовский ход и торжественно поднял руку. – Но их нету! Их нигде нету, их не сделали на заводе. Их не су-ще-ствует. А они – лежат, пять штук, друг на друге. Это и называется: экономический феномен. Попробуй... без специальной подготовки, без головы!.. Попробуй это сделать. Да как только прокурор обнаружит, например, эти покрышки, которых никто никогда не делал, он сразу поймет, с кем он имеет дело. И ты останешься с носом. Ну, разумеется, тебя поблагодарят, наговорят слов... А мне, я так думаю, предложат какое-нибудь повышение, пошлют куда-нибудь. Ведь не хватает же умных людей-то, не хватает. Где их набраться-то? Ну, окончил он свой вузико, ну – с дипломом... А что дальше? А дальше ничего: еле-еле будет на восемьдесят процентов тянуть. А то я не знаю таких! Так что ты... поторопилась с этим своим заявлением, Верунчик. – Аристарх подсел к жене. – У нас вчера была

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
самодетельность... Согласен, самодетельность, но это от избытка... я не знаю –
чувств, что ли, ну расшалились... Может же художник... артист какой-нибудь там... в
бассейне в бане кильку ловить и закусывать, ну а почему мы журавлей не можем
изобразить? Нет, там, видите ли, понятно, а тут... Да, самодетельность, но у тебя
с этим заявлением – это, прости меня, безграмотность, это на уровне дворничихи.
Мне даже стыдно, что ты моя жена.

Вот этого Аристарху не следовало говорить. Он уж и понял это, но поздно.

– Прекрасно, – сказала Вера Сергеевна, – иди к своей Сонечке, она твою голову
ценит, а мне дай сюда ключ. Дай ключ! Я сделаю свое дело... Твою голову оценит
прокурор. И не пудри мне мозги своими... своей экономикой: будешь канавы рыть как
миленький. Шалунишка... Энергичный? Там энергичные тоже требуются. Канавы тоже
надо энергично рыть.

Аристарх свирепо уставился на супругу.

– Лахудра, – сказал он весьма грязно, не по-вузовски. – Раздевайся! Этого
костюма тоже не шили на фабрике – чего ты его напялила? И шубу не смей трогать:
этих баранов, – показал он на каракулевую шубу, – никогда не было на свете.
Чумичка в каракуле!.. Не пойдет. Я ей мозги пудрю!.. Да я тебе элементарно хотел
объяснить, что определенная прослойка людей и должна жить... с выдумкой, более
развязно, я бы сказал, не испытывать ни в чем затруднений. Нет, эта чумичка
предлагает мне рыть канавы! Сэн-кью! – Аристарх забрал шубу, костюм жены и ушел
в свою комнату.

Два часа спустя

Все вчерашние «пассажиры» собрались у Аристарха. Нет только Простого человека –
его не позвали.

Аристарх ходил в волнении по комнате, несколько театрально заламывал руки и
повторял:

– Как, как эту дуру образумить? Как?

– Как ты с ней говорил-то? – спросил озабоченно Брюхатый.

– Всяко!.. Даже развивал мысль, что нация... должна иметь своих представителей...
людей с повышенной энергией, надо же возбуждать фантазию всех органов
государства, иначе будет застой...

– Аристофан, мать твою!.. – заругался Брюхатый. – Мысли он развивал! Оскорблял,
нет?

– А что, молиться на нее, на дуру?

– На карачках!.. Вот так вот ползать будешь! – воскликнул Брюхатый. И с досады
даже показал, как ползают. – Вот так будешь, а не мысли развивать. Мысли он
развивал! Пока ты их будешь развивать, мы уже будем... – Брюхатый сложил пальцы
решеткой. – Я тебя вижу, ты меня – нет. Пойду сам...

Брюхатый одернул пиджак, сделал губы трубочкой, подумал... И пошел.

Постучал интеллигентно казанком в дверь комнаты Веры Сергеевны и сладким голосом
сказал:

– Вера Сергеевна!.. Можно ваше одиночество нарушить?

– Ну? – откликнулась Вера Сергеевна; она по-прежнему лежала на диване, но не в
костюме, а в платье.

– Здравствуйте, Вера Сергеевна! – приветствовал ее, появляясь в дверях,
Брюхатый. Он улыбался.

– Здравствуйте, – с неким вызовом сказала Вера Сергеевна.

– Позвольте присесть?

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Что, опять куда-нибудь едете? Пересадка?

Брюхатый снисходительно посмеялся и махнул жирной рукой.

– Ну, уж... вы прямо в обиду! Хотел как раз попросить извинения за вчерашнее. Сильно шумели?

– Шумели-то, это бы еще ничего...

– А что такое? – встревожился Брюхатый. – Выражался кто-нибудь?

– И это бы ничего... Это я слышала.

– Ну, а что же мы такое вчера сделали?

– Да вы не только вчера, вы давно этим занимаетесь.

– Чем?

– Воруете. Спекулируете.

Брюхатый долго, скорбно, но в то же время как-то мудро молчал, глядя в пол. Потом поднял голову.

– Эх, Вера Сергеевна, Вера Сергеевна... Посадить хотите?

– Хочу посадить.

– А я уж сидел! – почему-то весело сказал Брюхатый. – Сидел. Четыре года и восемь месяцев.

– Ну, еще разок посидите.

– А хотите, расскажу, как это было?.. Нет, я не про подробности дела, а про... судьбу, так сказать, человеческую. Случай-то у нас, если можно так выразиться, аналогичный: жена посадила. Не то что прямо пошла и заявила, а... когда надо было... как бы это вам... В общем, когда надо было сказать «нет», она сказала «да». – Брюхатый обрел отеческий, снисходительный, ласковый даже тон в голосе. Смотрел на Веру Сергеевну, как на дочь. – А прожили мы с ней – ни много, ни мало – четырнадцать годков. И когда я уходил, я ей внима-ательно посмотрел в глаза, внимательно, внимательно. И говорю: «Прощай, Клава. Не скучай, – говорю, – тут без меня... Даст бог, увидимся когда-нибудь, ну а если уж не приведет бог, то, – говорю, – не поминай лихом. У меня, – говорю, – зла на тебя нету, прости и ты меня, если был когда виноватый перед тобой, невнимательный там, сгрубил когда. Я, – говорю, – старался всегда сделать для тебя что-нибудь полезное, ну, может, не всегда умел». Так я ей сказал. Она, значит, в слезы... А у меня вот тут вот закаменело – смотрю на нее... Ну, в общем, отсидел я свои годки – не досидел даже, вел себя примерно – вышел. Вышел – и к своей Клаве. «Здравствуй, – говорю, – Клава! Вот – дал бог, свиделись». И так это улыбаюсь – изображаю радость. Она, значит, тоже обрадовалась, опять в слезы... И – было на шею мне. Я говорю: «Стоп, Клавдия Михайловна: семафор закрыт. Проезда нету. Извините, – говорю, – Клавдия Михайловна, дальше нам не по пути: разъезд». Она – туда-сюда – мол, я иначе не могла... Все! – Брюхатый это «все» сказал очень жестко. И прямо посмотрел на Веру Сергеевну. – Все, милая!

– К чему это вы? – спросила Вера Сергеевна.

– А просто!.. Случай-то – аналогичный. Но это не конец! Конец тут тоже немаловажную роль играет. Я ей все отдаю: Все отдал! Квартиру, тряпки – все! А за четырнадцать-то лет мы же нажили кое-чего – все отдал! Бери! У тебя будет квартира, туфли, платье... А у меня – голова. Он вот тут перед вами хвастался, что у него – голова, – показал Брюхатый на комнату Аристарха, – а не надо этим хвастаться, не надо. Есть она – есть, нет ее – ничего не сделаешь. Это ведь тоже, как деньги: или они есть, или их нету. Верно? Все бери! А со мной все мое богатство – тут! – Брюхатый ударил себя кулаком в лоб. – Хвастать не буду но... прожить сумею. И что мы имеем на сегодняшний день? Она: выскочила замуж, разошлась; тот у ней половину площади оттяпал – он для того и расписывался... Тряпочки-шляпочники потихоньку в комиссионку ушли – ша! Как у нас там говорили:

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru кругом шешнадцать. Я: имею трехкомнатную квартиру, – Брюхатый стал загигать пальцы, – дачу, «Волгу», гараж... У меня жена, Валентина, на семнадцать лет моложе меня. Но я опять же не хвастаюсь, но таковы, как говорится, факты. От них никуда не денешься.

– Вы пугаете, что ли, меня?

– Да господь с вами! Пугаю... Просто рассказываю про... некоторые эпизоды своей жизни. Теперь спросите меня: что я потерял за эти четыре года и восемь месяцев? Что? А ничего. Даже не похудел. А особенно, когда вышел, прямо в дверь не стал пролезать. Счас веду переговоры насчет института питания – надо маленько сбросить, а то даже неудобно. А что потеряла моя Клавдия Михайловна? Все. Год назад встретил – с авоськой из магазина кондехаает. А я на «Волге» еду. Думаю, подвезти, что ли? Даже остановился: Подвезу, думаю. Скажу: «Клавдия Михайловна, позвольте, я вас до дома подвезу, я только не знаю, где вы теперь живете». Хотел так сострить, но душа не повернулась. Сто метров не подвезу. Она, видите ли, «иначе не могла», а я тоже не могу: шлепай дальше со своей авоськой.

– Слушайте, не надо, – попросила Вера Сергеевна. – Не надо: я же знаю, к чему вы это все. Не надо, умоляю.

Брюхатый встал.

– Да я ведь... что же... я ведь так: эпизоды. Смотрите, вам виднее. Конечно, порыв к прокурору – это красиво, руку будут жать, соседи скажут: «Какая молодец!» Но в душе подумают, – поверьте моему слову, я жизнь повидал, – в душе подумают: «Вот дура-то!» Вы вот телевизор любите смотреть: вот пусть вам там про жизнь расскажут, пусть расскажут... Смотрите, конечно, телевизор, книжки поучительные читайте, но мои слова тоже не забудьте. Так, на всякий случай...

Брюхатый вышел. Он сам растрогался от своих слов.

В комнате Аристарха его молча ждали «пассажиры».

– Ну!.. – Брюхатый погрозил пальцем Аристарху. – Если она все же посадит нас... – он замолчал и слезливо заморгал глазами. И даже головой закрутил и показал на себя, и воскликнул сквозь слезы: – Куда я такой поеду? Я в воронок не влезу! Не мог с женой уладить!.. Купил бы ей... не знаю, чертика с рогами – забавляйся. Нет, он ей про государственные органы!.. Подожди, ты с имя еще будешь иметь дело, будешь. Она вон насмерть стоит, слюной исходит – посадить охота.

«Пассажиры» подавленно молчали.

Вдруг Курносый снялся с места и пошел к Вере Сергеевне.

– Вы, я вижу, оба умники! В гробу я вас видал с вашими теориями!.. С вашим опытом.

Он открыл дверь в комнату Веры Сергеевны и тут же, в дверях, опустилсЯ, на четвереньки... И пошел так к дивану, где лежала Вера Сергеевна с книжкой.

– Пусть они как хотят, а я вот так буду. Не вставайте, умоляю вас, – сказал Курносый, – так и лежите: я буду так разговаривать.

– В чем дело?! – Вера Сергеевна все же чуть привстала.

– Я человек тоже энергичный, как треплется ваш муж, – быстро заговорил Курносый не поднимаясь, – но я не такой упорный долдон, как они: я прошу пощады. Не говорите!.. Дайте я скажу, потом – казните или милуйте. Я тоже замешан в этой... в этих... Но у меня двое маленьких детей, мать с отцом престарелые... Они не вынесут. Жена тоже не вынесет. Вы сразу уложите пятерых. Я, может быть, не такой энергичный, как эти... про себя информируют везде, но я очень конкретный, Вера Сергеевна. И я немножко внимательней их... Я же вижу Вера Сергеевна: вы скучаете. Не надо, не надо говорить! – Курносый вскочил с четверенек, побежал, закрыл дверь, подбежал и стал опять на колени перед диваном. – Но вы же – красивая! Как вы можете скучать! Это нельзя. Теперь слушайте меня внимательно: я не знаю, чего там у них было, у Аристарха с Сонькой, но он какие-то движения делал... По-моему, она тоже хотела его обаять. Но я не ручаюсь: дошло у них до этого или нет. Не

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru знаю. Но я знаю, что он движения делал... в ресторане несколько раз сидели. Я знаю, что он вас сегодня оскорблял. Вера Сергеевна!.. – Курносый приложил умоляюще руку к сердцу. – Только не удивляйтесь и не пугайтесь фальшиво... то есть это, я хочу сказать, что я конкретный и деловой человек, и всякие деловые тайны умирают вместе со мной: давайте наставим ему рога. Не говорите, не надо – дайте я все скажу! Чего тут удивляться-то? Чего глаза-то делать? Это жизнь, Вера Сергеевна, жизнь. За Соньку, за его оскорбления!.. Как он может оскорблять!.. Он спекулянт-то не крупный, он – так: середнячишка, щипач. Как он может оскорблять? Вместо того чтобы... Нет, у меня в голове не укладывается! Давайте наставим ему рога. Хотите, я сам этим займусь, хотите... Только не надо, не говорите: дайте я все скажу. Поймите меня: говорю это, спасая свою шкуру. Мне это сто лет не надо, я коньяк больше люблю, но... Вера Сергеевна, сидеть, сидеть неохота! Хотите, сам займусь, а если не подхожу, у меня есть один артист знакомый. Красавец! Под два метра ростом, нос, как у Потемкина... Ну, все, все при нем, я, мужчина, люблюсь на него. Он даже своим режиссерам рога ставит. А ему гараж позарез нужен: я договорюсь с ним. Вера Сергеевна, можно же так жизнь украсить!.. И на него, – Курносый показал на комнату Аристарха, – на него-то злости не будет! Это уже проверено. Мир будет в доме, у кого хотите спросите. Вот спросите у своих подружек, которые рога мужьям наставляют: ведь позавидовать можно, как они живут. Моя мне тоже, по-моему, ставит, потому что ласковая со мной... Я человек откровенный, я вам все говорю. Не обижайтесь на меня, а поймите: мне сильно сидеть неохота. Хотите, я вам завтра фотографию этого артиста покажу?.. Глаз не оторвете! Ну, Потемкин и Потемкин, собака! Он сам рассказывал, но, по-моему, малость врет: к нам одну шпионку заслали, а ее надо было расколоть – ну, то есть, разузнать у нее побольше, так, говорит, его подослали, он познакомился и... доложил начальству, что задание выполнил. А? Ведь жизнь совсем другая будет!..

– Вон! – вскричала Вера Сергеевна, как графиня. – Вон отсюда!.. Сволочи! Совсем уж?..

– Да ну, что совсем? Что совсем?.. – бормотал Курносый, поднимаясь. – Что совсем-то? Чего тут кричать-то? Я дело предлагаю, верняк же предлагаю... Вы подумайте, а мне только намекните...

– Во-он! – пуще прежнего заблуждала Вера Сергеевна.

– Ну-у... орать будем, да? Что за люди!.. – Курносый пошел из комнаты. Подошел к двери, вдруг резко обернулся и, грозя Вере Сергеевне пальцем, громко, зло и уверенно сказал: – Но сидеть я не буду! Понятно? Пусть Аристарх сидит, если ему хочется, а я сидеть не буду!

– Будешь, – сказала Вера Сергеевна. – Еще как будешь-то.

Курносый с этим боевым, невесть откуда слетевшим на него настроением вошел в комнату, где сидели все «пассажиры». И им тоже всем погрозил пальцем и сказал твердо и зло:

– Сидеть я все равно не буду, учтите! Вы можете садиться, а я не хочу. Поняли?!

– Ты что, с гвоздя сорвался? – спросил Аристарх. – Чего ты?

– Ничего! Пить надо меньше! – закричал Курносый на Аристарха. – Тогда жена будет любить... и сажать не будет. Импортанто!.. Садись тут... по милости всяких... Не буду сидеть! Не буду сидеть!

– Это уже психоз начинается, – сказал Лысый. – Неужели с одной бабенкой ничего сделать не можете?

– Она нас из-за Соньки вон его всех закатает все нервничал Курносый. – Нашел с кем – с Сонькой...

– В том-то и дело, что – не нашел! – тоже стал нервничать Аристарх. – Она мне со злости записку в карман сунула, чтобы эта нашла.

– Ну, так и объясни ей, – сказал Лысый. – Я, мол, не захотел флиртовать, она обозлилась...

– Так она и поверила!

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну а что же делать-то?! – теперь уж и Лысый закричал. – Что, так и поведут всех туда, как телят?

– Почему покрывки-то до сих пор здесь?! – закричал и Чернявый на всех, но особенно на Аристарха.

– А куда их теперь?! – закричал и Аристарх на всех, но особенно на Чернявого. – Сейчас прикажешь выносить?

– Вчера надо было!

– Вчера!.. Вчера мы в жаркие страны улетали, – горько съязвил Аристарх.

«Пассажиры» явно нервничали.. И не знали, что делать.

Вера Сергеевна, пристроив на коленях книгу, делала вид, что читает. Она была довольна, она догадывалась, что вчерашние нахальные «пассажиры» сейчас боятся и нервничают.

– Так, – сказал Лысый, – если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к ней... с уголовным кодексом. Посмотрим, что там за крепость. Где ее тряпки? – спросил он Аристарха.

– Зачем? – не понял тот.

– Дай-ка сюда... – он взял шубку Веры Сергеевны, костюм и пошел к ней в комнату.

– С вашего позволения! – явился он вполне официально, с шубой и костюмом на руке. – Позвольте присесть?

– Разрешаю – садитесь, – со скрытым значением сказала Вера Сергеевна, полулежа на диване.

Лысый разгадал скрытое значение в этом ее «садитесь». Он внимательно и серьезно посмотрел на женщину, помолчал.. И сказал:

– Сидеть будем вместе, гражданка Кузькина, – сказал он вполне бесцветным голосом.

– Как это? – не поняла Вера Сергеевна.

– Вы с уголовным кодексом знакомы? – в свою очередь спросил Лысый.

– Приблизительно... А вы что, юрист?

– Я не юрист, но с уголовным кодексом знаком, – неопределенно сказал Лысый. А дальше он спросил вполне определенно: – Это ваши вещи?

– Мои.

– Вы их купили?

– Мне их... купил муж.

– Сколько ваш муж получает?

– Какое ваше дело?

– Это не ответ, – Лысый отлично «вел дело»: спокойно, точно, корректно. – Сколько эта шуба стоит?

– Какое ваше дело?!

– Сидеть будем вместе, гражданка Кузькина, – еще раз отчетливо сказал Лысый. – Вы прекрасно знали, что эти вещи – не по карману вашему мужу: он их

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru «сымпровизировал», как вы пишете прокурору. Почему же вы про покрывало пишете, а про шубу, про костюм... – Лысый мельком оглядел довольно богато обставленную комнату – а про все остальное не пишет. Здесь все ворованное, – Лысый сделал широкий жест рукой по комнате. – И вы это прекрасно знаете. Вы пользовались ворованным... И молчали. За это по статье...

– Здесь все мое! – вскричала Вера Сергеевна гневно, но и встревоженно.

– Ваша зарплата? – вежливо осведомился Лысый.

– Не ваше дело.

– Сто десять рублей, нам это прекрасно известно. Прикиньте на глаз стоимость всего этого хрусталя, этого гарнитура, этих ковров...

– Вы меня не запугаете!

– А я вас не пугаю. Это вы нас пугаете прокурором. А я просто вношу ясность: сидеть будем вместе. Не в одной колонии, разумеется, но в одно время. Причем учтите: из всей этой гопкомпании мне корячиться меньше всех, я не с перепугу влетел к вам, а зашел, жалея вас, вы еще молодая.

Вера Сергеевна что-то соображала... И сообразила.

– Все это, – сказала она и тоже повела рукой по комнате, – мое: мне папа с мамой дали деньги. Пусть Аристарх докажет, что это он купил...

– Лапочка, – сказал Лысый почти нежно, – тут и доказывать нечего: вот эту «Рамону» (гарнитур югославский) доставал ему я: я потерял на этом триста целковых, но зато он мне достал четыре дубленки: мне, жене, дочери и зятю – по нормальной цене.

– А чего же вы говорите, что вам меньше всех корячиться? Наберем! – весело сказала Вера Сергеевна. – Всем наберем помаленьку! А вы думаете, Аристарх будет доказывать, что это он все покупал? Да вы все в рот воды наберете. Вам за покрывало-то, дай бог, поровну разделить на каждого. Пришел тут... на испуг брать. Вы вон сперва за них получите! – Вера Сергеевна показала в сторону коридора, где лежали покрывала. – Там их – пять штук: за каждую – пять лет: пятью пять – двадцать пять. Двадцать пять лет на всех. Что, мало?

Эта «арифметика» явно расстроила Лысого, хоть он изо всех сил не показывал этого.

– Прimitивное решение вопроса, гражданочка. Сколько получают ваши папа с мамой?

– Мои папа с мамой всю жизнь работали... а я у них – единственная дочь.

– Неубедительно, – сказал Лысый. Но и у него это вышло тоже неубедительно. Он проиграл «процесс», это было совершенно очевидно. Но он не сдавал тона. – Аристарх, – продолжал он снисходительно, – конечно, не захочет говорить, что все это купил он, да... Но ведь там-то, – показал Лысый пальцем вверх, – тоже не дураки сидят: скажет! Там умеют... И папаша ваш, если он потомственный рабочий, – что он, врать станет? Да он на первом же допросе... гражданскую войну вспомнит, вспомнит, как он с белогвардейцами сражался. Не надо, не надо, гражданка Кузькина, строить иллюзий. Возьмите это... – Лысый встал и положил на валик дивана шубу и костюм. – Поносите пока.

И Лысый вышел.

А в комнате, где «пассажиры», о чем-то оживленно договаривались. На Лысого посмотрели... но тут же и утратили всякую надежду. Не очень-то, видно, и надеялись.

– Чего вы тут?

– Инсценируем сейчас ее убийство, – сказал Курносый, хихикнув. – Надо такого ей страху нагнать!.. Так ее, дуру, напугать, чтобы она... на диван сделала.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Аристарх что-то быстро писал, склонившись к столу.

– Как это? – не мог понять Лысый.

– Сделаем вид, что мы ее сейчас устроим. Изрубим на куски, а вечером – по одному – всю вынесем в хозяйственных сумках.

– А он чего пишет?

– Полное ее отречение: «Ничего не видела, ничего не знаю». А? Я придумал. Или она подписывает это, или секир башка. Надо только все на полном серьезе! – предупредил Курносый. – Лично я зашиб бы ее без всякой инсценировки, – добавил он, помолчав.

– Все, – сказал Аристарх, поднимаясь. – Пошли. Вооружайтесь чем-нибудь пострашней... Все делаем, как на самом деле.

– Все на полном серьезе!

– А заорет? – спросил Лысый.

– Ори. Кругом никого нету, все на сдаче норм ГТО, она это знает, – сказал Аристарх.

Стали вооружаться: Курносый взял большой кухонный нож. Брюхатый выбрал тяжелый подсвечник...

– Я, как Юсупов, – сообщил он в связи с этим. – Они Распутина подсвечником добивали.

Аристарх взял топорик, которым рубят мясо, а Чернявый взял... подушку.

– А это-то зачем? – спросил Брюхатый.

– А я ей вроде рот буду затыкать.

– А-а.

А Лысый не взял ничего. Он пояснил так:

– А я буду бегать вокруг вас и умолять: «Братцы, может, не надо? Братцы, может, она одумается?»

Все это одобрили.

– Это хорошо.

– Правильно... А то все явемся, как в этой... мульти-пульты такой есть...

– Никакой оперетты! – еще раз предупредил Аристарх. – Она ж тоже... не совсем дура.

– Во, комедию отломаем! – воскликнул Курносый и опять хихикнул.

– А ее инфаркт не хватит раньше времени? – вдруг спросил всех Брюхатый.

Все на мгновение замерли...

– А?

– Инфаркт?

– Инфаркт... Нормальный инфаркт миокарда. Или – инсульт.

– Да ну!.. – сказал Лысый. – Она из рабочей семьи, у нее отец на гражданской...

– Как, Аристарх?

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А черт ее!.. Не знаю.

– Ну, а если хватит? Ну и что? – спросил Курносый. И посмотрел на Аристарха. – Ну, допустим, хватит?

– Пошли, – сказал Аристарх жестко. – Она всех нас переживет... Какой там инфаркт!

И они вошли в комнату Веры Сергеевны.

Вера Сергеевна вскочила с дивана и попятилась к окну...

– Вера... – дрогнувшим голосом заговорил Аристарх. – У нас положение безвыходное... Ты не догадываешься, зачем мы пришли?

Веру Сергеевну стали потихоньку окружать.

– Другого выхода у нас нет, Вера...

– Братцы, может, не надо? Может, она одумается? – засуетился лысый.

– Вера... – Аристарх медленно приближался к супруге – в одной руке топорик, в другой – «отречение».

Вера Сергеевна побледнела... И все пятилась к окну.

– Да ничего она не одумается! – воскликнул Курносый. – Давайте кончать.

– У тебя два выбора или подписываешь на наших глазах вот это вот – что ты ничего не видела и не знаешь, не собиралась к прокурору... Или мы тебя...

– Давайте кончать! Чего тут тянуть?

– Я закричу, – еле слышно пролепетала Вера Сергеевна.

– А подушка-то! – вылетел вперед Чернявый.

– Ты же знаешь, что кругом никого нет... Все на сдаче ГТО.

– А сумки-то заготовили? – спросил Брюхатый. – Разрезать-то мы ее разрежем, а в чем выносить-то?

– Да есть сумки – полно. Помельче только разрезать... и по одному все вынесем.

– Все уже предусмотрели! – сердито обернулся на всех Аристарх. – Вы вынесите по одному, а я останусь – замою тут все. Чего тут базарить-то?

– Главное, внутренности вынести, а остальное-то...

– Внутренности! А руки, ноги?.. Куда ноги, например, денешь? Они ни в какую сумку не полезут.

– Перерубим! Я ж те говорю: помельче изрубить.

– Вы же интеллигентные люди, – негромко сказала Вера Сергеевна. – Все в шляпах... в галстуках...

– Вывеска! – воскликнул Чернявый.

– Интеллигентные!.. – Брюхатый колыхнул животом от смеха. – Я в лагере трех человек задушил... вот этими вот руками.

– Мы, значит, жестокие? – спросил Аристарх. – А ты? Ты не жестокая? – столько людей сразу посадить собралась. Подписывай!

Как-то не заметили, что, пятясь, Вера Сергеевна подошла к самому окну, которое очень легко открывалось... Она вдруг вскочила на подоконник, распахнула окно и сказала заполошно:

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Если кто только двинется, я прыгаю! Тут только два этажа: сломаю ноги, но все расскажу. Только двиньтесь!

Все так и замерли.

Первым пришел в себя Аристарх. Он засмеялся искусственно.

– Мы же шутим, Верунчик!.. Неужели ты поверила?

– Немедленно все убирайтесь отсюда! – Вера Сергеевна обрела уже спокойный и злой голос. – Шутники.

– Нет, вы... Нет, она правда поверит, что мы...

– Убирайтесь!

– Да шутим же мы! – воскликнул в отчаянии Брюхатый. И бросил подсвечник. – Какие мы убийцы! Нас самих сейчас...

– Убирайтесь!

– Нет, она в самом деле может подумать!..

– Да думай она! – взорвался Курносый. – Что хочет, то и пускай думает! – и тоже бросил нож. И первым пошел к выходу. В дверях остановился, обернулся, как он давеча сделал, точно так же погрозил пальцем всем и сказал остервенело: – Но сидеть я все равно не буду! Ясно?! Сидеть я там не буду! Вот пусть они вот все... они вот, они – пусть сидят, а я не буду!

Никто ему на это ничего не сказал.

Он вышел... И за ним все тоже вышли.

И собрались опять в комнате Аристарха. Долго молчали.

– Интересно, – заговорил Чернявый, обращаясь к Курносому, – как это ты сидеть не будешь? Все будут сидеть, а ты не будешь?

– Не буду! – повторил Курносый.

– А у тебя что, сиделки, что ли, нету? – ядовито спросил его Брюхатый. – Она у тебя на месте: будешь сидеть, как все.

– Он там ходить будет, – подал голос Лысый.

Аристарх сидел, обхватив голову руками, и тихо покачивался.

– Не буду сидеть! – опять тупо повторил Курносый. – Вы все как хотите, а я – не буду!

– Все будем сидеть, – сказал Аристарх, не поднимая головы.

Опять некоторое время молчали.

– Конечно, – заговорил опять Курносый, – если бы ты был человек как человек, мы, может быть, и не сидели бы.

Аристарх поднял голову.

– А кто же я?

– Бабник! Шлюха в штанах!.. Да хоть бы умел, господи! А то... не выходит же ничего, нет, туда же, куда добрые люди: давай любовницу! Даже Соньку, и ту... тьфу! Рогоносец. С этой Сонькой...

– А ты подхалим, – сказал Аристарх первое, что выскочило из его оскорбленной души. – Ты перед начальством на полусогнутых ходишь.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– У меня пятеро на шее! – Курносый крепко хлопнул ладонью себя по загривку. – Пятеро!.. Ты вон с одной телкой справиться не можешь, а у меня их – пятеро. Мне не до любовниц!

– Зато тебе – до коньяка, – вставил Брюхатый.

– А ты вообще заткнись! – развернулся к нему Курносый. – Тебе-то даже полезно посидеть: может, похудеешь маленько. В институт питания собрался!.. Вот тебе и будет институт питания, – и Курносый нервно засмеялся.

Брюхатый навел на него строгий взгляд.

– Шавка, – сказал он. Помолчал и еще сказал: – Моська.

– А ты слон, да? – вступился за Курносого Чернявый. – Это не тебя по улицам водили?

– Меня, – сказал Брюхатый. – А это не тебе я нечаянно на туфель наступил... двадцать седьмого июня тыща девятьсот семьдесят третьего года: на профсоюзном собрании? Что-то ты тогда был... зеленоватый, а сейчас, гляди-ка, кукарекает. Выговор-то кому тогда всучили?

– А кто всучил-то? Кто?

– Я, в том числе.

– Да ты сам первый лодырь! Прохиндей. Выговор он всучил!.. У меня первый раз недосмотр случился.

– Минуточку минуточку, – прервал Брюхатый, – как это ты выразился – «прохиндей»? Я одиннадцать лет после суда без единого взыскания проработал! А ты мне, обезьяна, будешь еще вякать тут! Сам в выговорах весь, как... Ни одного же собрания не обходится, чтобы тебя...

– Хватит! – взревел Аристарх. – У меня вон, – показал он на стол, – семь почетных грамот лежат!.. Я и то молчу.

– А чего ты можешь сказать? – спросил его Лысый. – Там – семь почетных грамот, а там, – в сторону коридора, – пять покрывал. Я думаю, покрывала – потяжелее, перевесят. Если уж кто самый чистый среди вас, так это я.

– Ой! – изумились.

– Глядите на этого ангела!

– Прямо невеста... в свадебной марле.

– Шариков только не хватает.

– И ленточек разноцветных:

– Да! – гордо сказал Лысый. – У меня две общественные нагрузки, а у вас... У кого хоть одна общественная нагрузка?

Все промолчали.

– А-а, нечего говорить-то. Вы думаете, это на суде не учтется? Все учтется.

– Да, я думаю, все учтется, – сказал Аристарх. – Я думаю, что тот грузовичок с пиломатериалом – тоже учтется.

Лысый подрожал в гневе и обиде губами.

– Ворюга, – сказал он. – Плюс идейный ворюга: с экономической базой. Ты знаешь, сколько тебе за эту базу накинута? Вот сколько нам всем дадут, столько тебе – отдельно – за базу.

– База – для дураков, – струсил Аристарх. – Я – нормальный спекулянт, чего вы

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

тут?

– А-а!.. Очко-то не железное?

– Но ты тоже – не ерепенься тут, кудрявый!..

В это время в дверь позвонили.

Все оторопели на миг.. Брюхатый даже за сердце взялся.

Еще резко, длинно позвонили.

– По одному.. с вещами, – тихо сказал Чернявый.

– Иди, – кивнул Брюхатый Аристарху.

– Может, это макулатуру собирают.. пионеры, – тихо сказал бледный Аристарх. – Подождем.

Опять звонок.

– А я нож-то там бросил! – вскричал Курносый. – Подождите, я нож-то хоть уберу, а то же!..

– Топорик мой..

– А?

– Топорик, топорик, – невнятно повторил Аристарх. И показывал пальцем на комнату Веры Сергеевны. – Топорик..

– Чего топорик?

– Топорик мой тоже возьми, а то нам попытку к изнасило.. ой, это.. к убийству, к убийству..

– Тьфу!.. – заругался Курносый. И побежал за ножом и за топориком.

– Мама, роди меня обратно: рубля государственного не возьму, – сказал Брюхатый.

– Не будет она тебя больше рожать, – зло и тихо сказал Чернявый. – Она и за этот-то раз раскаивается, наверно.

Курносый принес нож и топорик.. И засуетился с ними. И зачем-то их оглядел еще.

– Ты что? – одними губами спросил Аристарх.

– Где они лежали-то?

– Вон..

Опять звонок, на этот раз вовсе длинный, никакой не «пионерский».

– Какая макулатура! – тихо воскликнул Лысый. – Иди.

Аристарх поднялся: И медленно, тяжело – как если бы он шел уже по этапу – пошел к двери.

– Кто? – спросил он тихо, обреченно.

Из-за двери что-то ответили..

Аристарх смело распахнул дверь и налетел на вошедшего:

– Какого черта ходишь тут?! Звони-ит!..

Вошедшим был Простой человек. Он держал ящик с коньяком и улыбался.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А я думал, нет никого! – он не обратил никакого внимания на ругань Аристарха, он держал в руках ящик с коньяком и улыбался. – Куда, думаю, они подевались? Договаривались же вчера. Вот он!

И Простой человек пошел с тяжелым ящиком к столу.

– Ну, ребятки, седня нам... до Владивостока хватит.

На него молча смотрели.

Только Брюхатый сказал:

– Идиот... Василий Блаженный. На полатях вырос.

– А чего вы такие? – только теперь заметил Простой человек. – А? Что вы сидите-то, как вроде вас золотарь облил?

– Хочешь в свою Сибирь? В деревню? – спросил Брюхатый.

– Хочу, – сказал Простой человек. – Нынче поеду: у меня в сентябре отпуск...

– А в долгосрочный отпуск поедешь?

– Стоп! – воскликнул Чернявый. – Идея! Вот идея так идея, – и он вскочил, и обнадеживающе посмотрел на всех: – Кажется, мы спасены!

– Как? – спросили все в один голос.

– Ждите меня! – велел Чернявый и куда-то убежал – вовсе, из квартиры.

Вечер, который не успел превратиться в ночь «Пассажиры» ждали. Сидели молча и ждали. Стоял коньяк на столе, но никто к нему не притрагивался... Нет, одна бутылка была распочата; похоже, это Простой человек пригубил. Но и он тоже сидел и ждал. Тикали часы, слабо слышалась какая-то значительная кинематографическая музыка: Вера Сергеевна опять смотрела телевизор.

Долго-долго сидели и ждали.

Наконец Простой человек не выдержал и встал:

– Пойду еще раз, – сказал он. – Хлопну для смелости – и пойду.

Он выпил коньяку... Все – от нечего делать – внимательно глядели, как он наливал, как подержал рюмку в руке, тоже глядя на нее, и как выпил. Простой человек выпил и пошел к Вере Сергеевне.

– Я еще раз, – сказал он, входя. – Сергеевна, голубушка... ведь все это – опишут, – сказал он, показывая рукой гарнитур, диван, ковры... – Все-все. Одни обои останутся.

– Пусть, – сказала Вера Сергеевна. – Зато преступники будут наказаны.

– Преступников не надо наказывать...

– А что же их надо – награждать?

– И награждать не надо. На них не надо обращать внимания. В крайнем случае, надо с имя находить общий язык.

– Спасибо за науку. А они будут продолжать воровать?

– Они так и так будут продолжать! Потом: ну какие же они преступники? Вот эти-то?... Господи!.. Это сморчки! Они вон уже перепугались сидят... с них капает. Ведь на них глядеть жалко. Вы зайдите, гляньте – ведь это готовое Ваганьково. Там только надписи осталось сделать: был такой-то, грел руки возле гарнитуров. Пожалейте вы их, ей-богу! Ну, припугнули – и хватит. Хоть Аристарха своєю пожалейте... ведь он со страху: мужиком года полтора не будет.

– Ну, что вы – он любовниц заводит! – воскликнула Вера Сергеевна с дрожью в голосе. – У него есть Соня.

– Сонька?! – удивился Простой человек. И хлопнул себя руками по штанам. – Господи, боже мой. Ну нашла же ты к кому приревновать. Да с Сонькой вся база... Я! Я!.. – постучал себя в грудь Простой человек. – Я один, может, только и не вошкался: потому что я тоже больше коньяк уважаю. Не коньяк даже, а простую водку. Сонька!..

– Тем более! – мстительно воскликнула Вера Сергеевна. И встала от телевизора и нервно прошлась по комнате. – Тем более!.. Скотина он такая. Мне его несколько не жалко! Из всей этой бригады, – показала она на комнату Аристарха, – мне ни-ко-го не жалко. Вас только жалко.

– Да меня-то!.. – махнул рукой Простой человек. – Я и там грузчиком буду. Это им переквалификацию надо проходить, а мне-то... Коньячка вот только не будет, вот жалко. Ну, отдохну от него, наберусь сил – тоже полезно. Да мне много и не дадут – от силы два года: за компанию. Мне их жалко, Сергеевна: у их, у всех, почесть, детишки. Вот этого толстого!.. – почему-то вдруг обозлился Простой человек, – вот этого бы я посадил, не моргнув глазом. Ох, эт-то журавь, скажу тебе! Это самый главный воротила. Но его же отдельно не посадишь. Сажать, так уж всех.

– Вот все и будут сидеть.

– Оно, конечно... так. Знамо, что... А куда денешься? – будем сидеть.

И Простой человек вышел.

Когда он вошел в комнату, где сидели «пассажиры», на него посмотрели без всякой надежды, обреченно.

Простой человек присел к столу... И засмотрелся на бутылки с коньяком. И вдруг всплакнул.

На него удивленно посмотрели.

– Прощайте... драгоценные мои, – говорил Простой человек, глядя на бутылки. – Красавицы мои. Как я буду без вас?.. Одно страдание будет, тоска зеленая: Любимые мои. Тяжело мне с вами расставаться, ох, тяжело...

– Поплачь, поплачь, говорят легче становится, – сказал Брюхатый.

– А я и плачу. Плачу и стою. Сердце кровью плачет, когда на них смотрю. Но канавы рыть с тобой в одной бригаде я не буду! – Простой человек сердито посмотрел на Брюхатого. – Я твою норму там не буду выполнять. Я за тебя... Недоедать из-за тебя не буду!

– Чего это ты решил, что я там канавы рыть буду? – спросил Брюхатый.

– А что же ты там будешь делать?

– Библиотекарем пойду... Или санитаром.

Все засмеялись: это был нехороший смех, нездоровый смех, болезненный смех, если можно так сказать про смех.

– Налей-ка и мне, – подошел к столу Курносый.

Простой человек налил две рюмочки... Одну пододвинул Курносому. Они чокнулись.

– За счастливую дорогу, – сказал Простой человек.

И тут вдруг сорвался «с гвоздя» Аристарх. Он вскочил, затопал ногами и закричал:

– Хватит паясничать! Хватит паясничать!.. Комеди франсез развели тут! Вон все отсюда! Вон! Скоты!.. Говядина!

Курносый поставил свою рюмку на стол и внимательно посмотрел на Аристарха. – Слушай, – сказал он, – я умею останавливать истерики: я перворазрядник по боксу. Я хоть давно не в форме, но все равно... такую-то экономическую гниду я сделаю.

Аристархушка сел так же резко, как вскочил, обхватил опять руками голову и тихо стал покачиваться.

Простой человек промокнул губы уголком дорогой скатерти и опять пошел к Вере Сергеевне. Ему, похоже, пришла какая-то дельная мысль в голову.

– Сергеевна, – сказал он, – а на кого квартира записана?

– Как?... – не то что не поняла, а скорей растерялась Вера Сергеевна. – Как «на кого»?

– Кто ответственный квартиросъемщик?

– Он...

– Он, – Простой человек выразительно смотрел на Веру Сергеевну.

– А что? – спросила та.

– А ты куда? – спросил в свою очередь Простой человек.

– Как куда? Никуда.

– Она кооперативная?

– Да.

– С конфискацией имущества! Он же не к Марье Иванне в карман залез, он государству в карман залез...

– Ну? и что?

– С конфискацией всего имущества, – повторил Простой человек, даже с каким-то удовлетворением повторил. – У их теория одна: с конфискацией всего имущества.

– А я куда же?

– Я вот и зашел спросить: а ты куда?

– Нет такого закона! – слабо запротестовала Вера Сергеевна.

Простой человек присел на дорогое зеленое кресло.

– Коломийцева посадили – с конфискацией, – стал он загибать пальцы, – Коренева Илью Семеныча, веселый человек был! – с конфискацией... Он, к тому же, анекдоты любил...

– При чем тут Коренев какой-то? А я что, на улицу, что ли?

Простой человек помолчал...

– Угол снимать где-нибудь.

– Здравствуйте!

– Прощайте, – жестко сказал Простой человек – откуда и нашел в себе такую жестокость, он был добрый человек – и отбыл к «пассажирам».

– Слунтяи, – сказал он всем. И прямо прошел к столу. – Интелефу занюханые, – налил себе большой фужер коньяка и выпил один. – Энергичные люди!.. Это я... – стукнул он себя в грудь, – я энергичный! Соображать надо! Жить надо уметь! От

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru меня три жены ушло, и ни одна, – он подчеркнул это, – ни одна не делает волны насчет алиментов! А потому что – что с меня возьмешь? С меня взять-то нечего. Я за свой труд беру, в основном, коньяком, а они не хотят коньяком. Не положено, они это прекрасно знают. Они каждый божий день видят, что я к вечеру лыка не вяжу, а сделать ничего не могут. Их мужья все изозлились: иззавидовались, а сделать ничего не могут. А вы – энергичные... Вот энергия-то! Боксер, садись, врежем. Не вешай свой курносый нос – он у тебя все равно кверху торчит. Вот ты еще более-менее, энергичный. А эти все... Тара для... сказал бы для чего, но у меня настроение улучшилось.

Раздался звонок в дверь.

Все опять замерли.

– Открывайте! – велел Простой человек. – Памятники...

Но никто не стронулся с места.

Простой человек сам пошел открывать. И на ходу изобразил, что вроде и в самом деле меж памятников идет: приостанавливался и разглядывал.

– Люблю по кладбищу ходить. Думаешь: а кто были эти люди? – рассуждал сам с собой Простой человек. Он остановился перед Брюхатым. – Вот этот, наверно, плохой был...

– Проходи, – негромко сказал Брюхатый, – а то я встану из гроба и задушу тебя.

– Да, этот был плохой, – повторил Простой человек. – Вор был, наверно.

Он подошел к двери, открыл... и воскликнул:

– Соня!..

Стояли: Соня и Чернявый. Соня всех внимательно разглядывала, а Чернявый улыбался значительно.

Никто ничего не понимал... Особенно Аристарх: он встал было, но сел снова, опять встал и опять сел – не мог встать от растерянности. Понимал что-то такое один Чернявый. Он помог снять Соне дорогую шубку... И, похоже, не собирался проходить с гостьей к «памятникам», а легонько – интеллигентно – подталкивал ее в комнату Веры Сергеевны.

И вошли.

Вера Сергеевна тоже растерялась... Встала с дивана и смотрела на женщину Сою.

А там, в комнате Аристарха, по-прежнему все сидели неподвижно. Только Простой человек, пробираясь опять меж «памятников» к столу, сказал:

– Сейчас там будет третья империалистическая, – он тихо засмеялся, набулькал из бутылки в рюмочку и качнул головой. – Ключья полетят...

А в комнате, где Вера Сергеевна, пришли в движение.

– Это – Соня, – представил Чернявый гостью хозяйке. – Моя любовница.

– Ну, – засмуцалась Соня. – Прямо сразу уж... Зачем так?

– Соня, мы договорились: все начистоту. Раз тут недоразумение, мы должны...

– У вас же семья, – сказала с удивлением Вера Сергеевна. – Как же вы говорите – любовница...

– Да! – гордо сказал Чернявый. – Я – из казаков... – и он энергично показал – не то лихо дернул поводья скакуна, не то... шут его знает, что-то такое показал энергичное руками, – густых, так сказать, кровей! Все даже удивляются. Ну, говорят, Сучков, ты даешь! Вы знаете, сколько я плачу алиментов? – Чернявый

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru навис вопросом над Верой Сергеевной и сам заранее выпучил глаза. – Семьдесят пять процентов! Вы думаете, – горячо продолжал он, – если я связался с этими государственными ворюгами, то это от веселой жизни? Нет! Если я добуду рубль на стороне, то он хоть весь мой. С законного рубля мне положено только пять копеек. А у меня – четверо детей.

– Четверо детей!..

– Это – со мной, при мне. А так их у меня.. по-моему, одиннадцать. Вместе с этими, которые со мной.

– Но как же.. еще любовница? – все не могла прийти в себя Вера Сергеевна.

– А что я, хуже других? Вы думаете, этот Брюхатый, например, любовницу не имеет? Имеет. Я только не знаю, что он с ней делает, но имеет. А Лысый этот?.. С чего это он, скажите, пожалуйста, полысел в сорок три года? Думал много? Над чертежами ночью склонялся? Нет, не над чертежами... Только уж не над чертежами. Да все имеют любовниц! Вы простите, вы замужняя женщина, но откройте глаза-то, откройте: ведь это же позор считается, кто не имеет любовницы. Ведь это только один Аристарх ваш.. Ведь над ним весь отдел смеется! Я уж не знаю, что у вас за любовь такая.. не знаю. Значит она есть еще на земле? Я не знаю.. с этим Аристархом.. Он мне все представления о жизни перевернул. Любовь, что ли, у вас такая? – прямо спросил Чернявый Веру Сергеевну. – Даже интересно, честное слово.

– Слушайте, – заговорила Вера Сергеевна неуверенно, – а как же записка?.. Ваша записка, я ее нашла в кармане..

– Ва-аша запи-иска, в несколько стро-очек, – пропел беспечный Чернявый. – Она вам все расскажет про записку. Соня, только всю правду. Влюбилась, дурочка, в вашего Аристарха и.. решила вас поговорить. Я когда сегодня узнал об этом, у меня глаза на лоб полезли. «Поедем, – говорю, – немедленно поедем к Вере Сергеевне, и ты ей все расскажешь». Все, Соня!.. Я выйду, чтоб не мешать вам.. – уходя, Чернявый ласково, но строго погрозил Соне. – Все, решительно, все. Про нас подробности можешь тоже не скрывать – я лишен предрассудков, – он чуть подумал. И, по-моему, совести тоже.

«Пассажиры» никак не могли понять, что такое творит Чернявый. И когда он вошел, все вопросительно на него смотрели и ждали.

Чернявый в изнеможении опустился в кресло, прикрыл глаза, долго сидел так, вольно раскинув руки и ноги.

– Дядя Вася, налей мне граненый стакан коньяку – сказал он устало и капризно.

– Зачем же стакан? – с уважением сказал Простой человек. – Тут есть всякое хрустальное дерьмо..

– Нет, я хочу только из граненого стакана. Я сегодня спас.. – Чернявый открыл глаза, огляделся, – от тюрьмы.. много-много людей. Поэтому я хочу пить только из граненого – по-казачьи. Я вас всех вывел из окружения! – возгласил он, принимая стакан из рук Простого человека. Отпил, передохнул и сказал всем строго: – Соньке – книжный шкаф «Россарио», мне – золотой перстень с эмблемой: казак скачет на коне.

А в комнате Веры Сергеевны в это время две женщины беседовали. Соня что-то рассказывала Вере Сергеевне, что-то показывала а руками.. Вера Сергеевна то изумлялась, то удивлялась, то ужасалась, то жалостливо смотрела на Соню. По всему видно, что они поняли друг друга, помирились и даже, кажется, готовы дружить, как иногда дружат порядочная женщина и величайшая распутница. Об этом много писали.

А в комнате, где «пассажиры», хотели понять, что вообще происходит? То есть, о чем-то уже догадывались, но – подробности, подробности.

– Как ты ее уговорил? – пытал Брюхатый Чернявого.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Книжный шкаф «Россарио»...

– Для чего он ей?

– Не знаю... Сошлись на книжном шкафу.

– Как «сошлись»? – не понял Простой человек. – Неудобно же...

– Нет, все в порядке, что ли?! – закричал в нетерпении Лысый.

– Да, – сказал Чернявый.

– Ур-ра-а! – закричали Курносый и Простой человек.

– Едем седня до Владивостока! – заявил Простой человек.

Аристархушка в волнении ходил по комнате.

– А что она ей говорит? – спросил он.

– Они говорят на иностранном языке, – сказал Курносый в сильнейшем раздражении на Аристарха. – Импортанто де ла кругом и околе, – он подошел к Чернявому и крепко пожал ему руку. – Как мужчина мужчине, – сказал он уважительно и скупно.

Чернявый махнул рукой...

– Я тоже... перехватил там: наговорил на себя, что я чуть не Тарас Бульба. Еще немного – и Тарас Бульба. По-моему она меня теперь бояться будет.

– Кто, Сонька?

– Кстати... если Сонька счас войдет в роль и начнет приставать ко мне, ты...

Но тут вошли Соня и Вера Сергеевна.

– На колени! – скомандовала Соня Аристарху. – На колени перед Верой Сергеевной.

– Зачем? – спросил Аристарх.

– На колени!! – потребовали все, еще не разобравшись, зачем надо на колени.

– Оказывается, ты оскорблял ее! – продолжала с возмущением Соня. – Ты ей тут, оказывается, наговорил гадостей и грубостей! На колени!

– На колени!!! – опять закричали все. А Курносый даже двинулся к Аристарху.

– Импортанто!.. – с угрозой сказал он. – Ты знаешь, что такое нокдаун? Я не говорю уже о нокауте, я говорю о небольшом нокдауне... На колени!

Аристархушка стал на колени...

– Проси прощения у Веры Сергеевны, – велела Соня.

– Проси прощения у Веры Сергеевны! – закричали все в один голос.

Аристарх замешкался было... Но тут ему разумно посоветовал Простой человек:

– Давай, Аристархушка... да, благословясь, поедем во Владивосток.

– Вера, – дрогнувшим голосом заговорил Аристарх, – прости. Клянусь: ни одной больше покрышки, ни одного колеса...

– Не об этом речь! – прервал его Брюхатый. – Говори по существу дела! Что значит ни одного колеса! Что ты, на лыжах собрался ездить?

– Но о чем тогда говорить-то?! – взбунтовался Аристарх на коленях.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Но тут уж возмутились все.

– Ах, он не знает, о чем говори-ить! Ах ты, бедняжечка... Первоклашка.

– Тебя мама еще за ручку водит, да?

– Нет, он все же хочет получить небольшой нокдаун.

– Да не нокдаун, а нормально – по сусалам! – громко возмутился и Простой человек. – Поедем во Владивосток! Поезд же отходит, вы что?

– Вера, – опять дрогнувшим голосом заговорил Аристарх, – клянусь, после этого случая буду каждый день проверять карманы...

– Опять!.. Ему говорят стриженный, он – бритый, – вконец вышел из терпения Брюхатый. Но тут же взял себя в руки и уже продолжал говорить с Аристархом, как с полным, но безвредным дураком, не злостным дураком: – Зачем ты будешь проверять карманы?

– Не разговаривай со мной как с идиотиком...

– Нет, зачем ты будешь проверять каждый день карманы?

– Чтобы там записок не было...

– А жить так, чтобы в твоей жизни вообще никаких записок не было – так будешь жить?

– Что я, просил ее, чтобы она мне писала?! – опять было загорячился Аристарх и показал на Соню. И хотел даже встать с колен, и уж было встал, но тут встрепенулась Соня.

– На колени! – закричала она. – А что это, женщину надо обязательно просить, чтобы она писала? – спросила она надменно. – А сама женщина не имеет права написать записку? Может у нас женщина пошутить?

Вот это понравилось всем. С этим «может ли у нас женщина пошутить» она попала в самую точку. На Аристарха опять все навалились.

– Домостроевщину развел! – воскликнул Лысый.

– Нет, этот человек просит нокаута! – тоже воскликнул Курносый. – Не хочет он нокдауна, никак не хочет! Ему больше нравится нокаут! Ведь достану в печень – до утра будут считать.

– Нет, ты ответь... Ти-ха! – рявкнул Брюхатый на всех. – Ты ответь на вопрос, который тебе, подлецу, поставили: может у нас женщина пошутить?

– Может, – Аристарху надоело стоять на коленях, и он стал со всем соглашаться.

– Значит, что надо теперь сказать?

– Что? – искренне не понял Аристарх.

Брюхатый изумился; за ним некоторые тоже изумились, но так, для вида: никто, кроме Брюхатого, не понял, что надо теперь сказать Аристарху.

– Ты должен сказать, – вылез с поучением Простой человек, – ребята, мол, забудем все – и поедем во Владивосток.

– Прекрати со своим Владивостоком! – прикрикнул на него Лысый. – По-моему, ты и так уж где-то... под Хабаровском. Тут серьезное дело.

– Что ты должен сказать? – пытал Брюхатый Аристарха.

– Что?! Что?! Что?! – с Аристархом, кажется, начиналась истерика. – Не понимаю!.. – он стукнул двумя кулаками себя в грудь, и в голосе его послышались слезы. – Не понимаю: что я должен сказать?!

Брюхатый пожалел его.

– Ты должен сказать: Верунчик, я тебя люблю. И не формально сказать, а с чувством, как ты говорил... сколько лет назад? – повернулся Брюхатый к Вере Сергеевне.

– Что говорил? – не поняла Вера Сергеевна.

– Когда он вам первый раз сказал: Верунчик, я тебя люблю? Сколько лет назад это было?

– Это было... девять лет назад, – сказала Вера Сергеевна. – Но он не так говорил: – Вера Сергеевна, вообще-то, была довольна – и этим состоянием Аристарха на коленях, и тем, что все его очень ругают. – Он сказал: «Хочешь, я сделаю тебя самой богатой женщиной микрорайона?»

– Трепло! – возмутились все.

– Про экономическую базу он ничего не говорил?

– Хвастунишка.

– Я не так говорил! – заспорил Аристарх на коленях.

– А как?

– Я сказал: «Хочешь, я МОГУ сделать тебя самой богатой женщиной микрорайона?» Еще я сказал: «Только не носи синтетическое белье».

– Почему это? – спросила Соня.

– Искры летят, – пояснил Аристарх.

– Да? – удивилась Соня. – Не замечала.

– Ну, так, – поднялся Брюхатый. – Я думаю, что он все осознал... Осознал, Аристарх?

– Осознал.

– Поднимайся, – велел Брюхатый. – Вера Сергеевна, идите сюда... Идите, идите. Я предлагаю такую детскую игру. Кто видел, как мирятся детишки?

Никто не видел. То есть, наверно, видели, но не знали, куда клонит Брюхатый.

– Они берутся вот так... – Брюхатый взял руку Аристарха и руку Веры Сергеевны, сцепил их мизинцы. – Теперь повторяйте за мной... Вот так вот махайте и повторяйте. Повторяйте: мирись, мирись – больше не дерись, если будешь драться, я буду кусаться.

Все засмеялись остроумной выдумке Брюхатого, даже заплодировали. Все были рады.

– Давайте, давайте!.. – требовали от Аристарха и Веры Сергеевны.

– Мирись, мирись, – стали вместе говорить Аристарх и Вера Сергеевна, – больше не дерись, если будешь драться, я буду кусаться.

Опять заплодировали... Вера Сергеевна была счастлива; Аристарх был смущен, но тоже доволен. Их окружили, поздравляли с примирением... Сделали вокруг них хоровод, пошли, взявшись за руки, и запели:

Как на Вериных менинах,
Испекли мы каравай:
Вот тако-ой вышины!
Вот тако-ой ширины!..

Опять засмеялись, опять заплодировали себе. Все были счастливы.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Черт его знает!.. – воскликнул растроганный Брюхатый. – Жить да радоваться!..
Нет, мы начинаем себе сложности находить.

– Именно: можно же красиво жить! – подхватил Курносый.

– Да... со вкусом! Ведь один раз живем-то! – тоже с чувством сказал Лысый. – Вы
вдумайтесь: один раз! И все, и больше нас ни-ког-да не будет.

– Поехали во Владивосток! – опять призвал Простой человек. Но на всех слетела
какая-то тихая, задумчивая минута, всем как-то было не до Владивостока.

– Иной раз думаешь: люди, в чем дело? – продолжал глубоко и даже с грустинкой
Брюхатый. – В чем дело, люди?

– Дело в том, что – уважения побольше друг к другу, – подхватил его мысль Лысый.
– Уважения!

– Я бы сказал – и любви, – сказал Чернявый. Он даже встал. – Любовь – это... Все
можно достать! – воскликнул он. – Все! А любовь не достанешь, если ее вот тут
вот нету.

– Это ты, брат, верно, – похвалил Брюхатый. – Это ты – в десятку.

– Суетимся, суетимся много, – вздохнул Лысый. – Сказано же: «Не суетитесь». Нет,
мы суетимся...

– Не потопаешь – не полопаешь, – вставил и свое раздумчивое слово Простой
человек. – Попробуй не посуетись.

– Заговорила матушка-деревня! – горестно и насмешливо сказал Брюхатый. – А ведь
на полатах-то не суетились! – вдруг решил поймать он Простого человека на слове.

– Почему это на полатах не суетились? – не понял Простой человек. – И на полатах
суетились, и на печке, и в банях... А чего ты ко мне с полатами-то привязался?
Если хочешь, то я на покосе родился. Но полаты я любил, потому что там можно
сверху наблюдать.

– И чего ты оттуда наблюдал, интересно?

– Все... Жизнь. Мы там сказки рассказывали друг дружке... Нас одиннадцать человек
росло.

– А нас – двое, – вспомнила и Соня, – но я была младшая. Это хуже всего –
младшей сестрой быть: все платья, все туфли, все юбки я за Зинкой донашивала. А
счас – все наоборот! – она сама рассмеялась такому нелепому обороту в жизни. – Я
ей говорю: а помнишь, Зин, как я за тобой все донашивала? Она говорит: не
говори. А вот нечего, говорю!.. Заладила тогда: учиться, учиться! Дырки всем на
боку провертела со своей учебой! Выучилась?.. Ну, давай теперь, гордись передо
мной: ты же ученая! А я вот – неученая. Я – продавщица, нормальная продавщица!..
А давай, говорю, пройдем с тобой – для кспиримента – по улице: я надену все свое
на себя, а ты свое на себя: Давай, говорю, пройдем? Не хочет.

Все засмеялись.

– Нет, мы едем во Владивосток или не едем?! – на исходе всякого терпения
закричал Простой человек. – Во-от споминать пустились... Чего мы сидим-то?

– Это мы – перед дальней дорогой, – молвил Курносый, улыбаясь.

– Хватит вам со своим Владивостоком! – сказала Вера Сергеевна, тоже по-доброму
улыбаясь. – Давайте... сядем все за столом, как нормальные люди... Представляете, –
обратилась она к Соне, – выдумали какую-то странную игру: то в жаркие страны
летают в качестве журавлей, то ездят куда-то...

Соня махнула рукой.

– Делать нечего!

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Энергия! – воскликнул Чернявый. – Не зря же про нас говорят: энергичные люди.

– Ну-ка, энергичные люди, – стала распоряжаться Вера Сергеевна, – приложите свою энергию к делу: раздвиньте пока стол. Соня, а мы пойдем на кухню – вы мне поможете салат приготовить...

И пошло тут веселое, хорошее оживление, когда вроде и делом занимаются, а вроде и дела никакого нет. Мужчины умело раздвинули стол, закурили... Аристарх включил дорогой магнитофон «Сони».

– У тебя «Сони»? – спросил Брюхатый со знанием дела.

– Да.

– Прекрасная вещь. У меня тоже... Шестьсот рублей.

Курносый чему-то вдруг весело рассмеялся... Да так искренне, так неудержимо долго смеялся, что все стали смотреть на него с тревогой.

– Ты чего? – спросил Брюхатый.

Курносый хохотал и показывал пальцем на Чернявого, хотел что-то сказать и не мог сказать от смеха.

– Чеканулся, что ли? – спросил Чернявый вполне тревожно.

– Со...ня, – продохнул наконец от смеха Курносый. – У вас «Сони», а у этого – Соня...

– Смех смехом, – серьезно заговорил Чернявый, – но если кто из вас трепанет где-нибудь, что она моя любовница... Слушайте, я серьезно говорю! Не вздумайте пошутить где-нибудь! А то... их же выручил, понимаешь... Мне тогда – загодя с седьмого этажа прыгать.

– С седьмого – это высоко, – согласился Лысый. – Но со второго я прыгал. Причем не муж даже, не муж – брат застучал... Не понимаю, чего она так перепугалась! Глаза вот такие: убьет, говорит! Я маханул... Хорошо, на цветочную клумбу угодил.

– А я раз... – хотел было тоже вспомнить Брюхатый, но вошли Вера Сергеевна и Соня. Внесли всякие закуски.

– Пожалуйста, к столу! – пригласила Вера Сергеевна.

И стали садиться к столу. На душе у всех было мирно и хорошо.

– Уверю вас: можно же прекрасно жить! – еще раз сказал Брюхатый с чувством тихой благодарности к жизни. – Мирно, спокойно...

– Главное, не суетиться перед клиентом, – согласился с ним Лысый. – Скажите, чего нет? – спросил он, приглашая всех тоже, как Брюхатый, к тихому восторгу перед жизнью, но был конкретней: он показывал на богатый стол. – Чего не хватает?

– Так-то бы жил! – сказал Простой человек. – Таксисты только хамят: не хотят везти, и все! Каждый день у меня с имя стычка.

– Хамства много, это верно, – согласился Курносый. – Но я заранее трояк показываю. Ты сразу трояк показывай, и все, и повезет.

– Хорошо, если он есть. А если его нету?

– Тогда – кулак, – сострил Брюхатый. – И скажи: «Я на покосе родился!» – сразу повезет.

Засмеялись.

– Повезет он... – проворчал Простой человек.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
За разговорами сели к столу.

– Ой, я забыла эту... открывалку-то... – вспомнила Вера Сергеевна. – Сонечка, не в службу а в дружбу: у меня в ящике лежит... в «Рамоне» в левом ящике, в нижнем... такая – с ручкой, как у...

– Найду, – сказала Соня. И пошла за открывалкой.

Пока она ходила, тут опять наладились было на мирный, хороший разговор.

– Я как-то товарища своего школьного встретил... – вспомнил Брюхатый. – Ну – «Где? Как?» Оказывается, – шишка. Ну, выпили, закусили: Потом эта «шишка» спрашивает: «Слушай, – говорит, – ты не можешь мне женские сапоги „на платформе“ достать? За горло, – говорит, – взяли...» – «И все? – говорю. – Вся проблема?» А сам думаю: эх...

Но тут случилось нечто, что и назвать-то... как-то... не поймешь, как и назвать: шутка? Но уж больно тупая. Соня!..

В то время, как Брюхатый говорил: «А сам думаю: эх...», вошла в комнату преподобная Сонечка... с пистолетом в руках: наставила на всех и говорит:

– Руки вверх! я – из обэхээса!

Да так спокойно, уверенно, так СТРАШНО это сказала, что за столом обмерли. Все застыли, кто как сидел... И тут Соня расхохоталась! Вот уж она посмеялась, дура, – до слез прямо досмеялась. Смеялась и показывала... открывалку, которая была похожа на пистолет – вылитый пистолет!

За столом не знали: то ли сердиться на эту дуру, то ли уж махнуть рукой... Но признались, что перепугались насмерть.

– Сонька!.. – с укором сказал Брюхатый, – у меня же сердце, дура ты такая, дура... Ведь так – парализует, и все. И будешь: одна половинка жить будет, а другая рядом лежать, по соседству.

– А у меня – холод: вот отсюда вот пошел, от затылка, – признался Лысый, – и по спине, по спине – куда-то в копчик уперся: чувствую – примерз к стулу! Ну, надо же так додуматься! Ну, Соня!..

Отходили от испуга; даже уж с некоторым весельем продолжали рассказывать, кто что почувствовал и подумал, когда Соня наставила «пистолет».

– А я думаю: пока тут счас всех будут обыскивать да личности проверять, я незаметно успею сунуть одну бутылку в штанину, – поделился своими мыслями Простой человек. – Глянь, у меня штаны-то: туда полприлавка влезет. Пока, думаю, будем ехать в воронке – там же темно! – я ее из горлышка: Мы бы ее с боксером вот раздавили бы.

– Нет, тут уж не до бутылочки было бы, – признался Курносый. – У меня в глазах темно сделалось. Вот понимаю же: все же на месте, никуда же никто не успел... А – никого не вижу! Туда смотрю (в зрительный зал) – никого не вижу, сюда смотрю – никого!.. Одну Соню с этой открывалкой вижу и все. Ну, Соня: Ну, шуточки у тебя!..

– А я думаю так: прикинусь счас невменяемым!.. – поделился мыслями и Чернявый. – С ума сошел. Сошел с ума – тронулся!.. А таких не судят.

– Так тебе и поверили! – сказал Простой человек, разливая коньяк по рюмкам.

– Это – как держать себя.

– Да как ни держи!.. Пару раз промежду глаз...

– А я, – сказал Аристарх, – я вот что подумал, – и все замолкли, и смотрели на Аристарха: интересно было, что он подумал. – Я подумал – все: и Соня, и моя жена, обе – оттуда... из обэхээса.

Энергичные люди. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну!.. – изумилась Вера Сергеевна. – Девять лет живем, а он...

Все засмеялись такой, в самом деле, нелепости. Заговорили все сразу:

– Аристарх, ты уж...

– А что? А что?.. А знаете, случай был...

– Да ну, случай!.. Случаи в кино бывают, в театре:

– Нет, Аристарх, в самом деле?

– Клянусь! Ну, думай, это мне – пятнадцать лет!..

– Да нам бы всем!.. Мы же ее «убивать» ходили! Нам бы за одну эту комедию...

– Едем во Владивосток! – громко объявил Простой человек. – Присели!.. Присели!
Помолчали перед дальней дорожкой...

Все замолчали.

В это время позвонили в дверь.

– Это соседка ко мне – за выкройками, – сказала Вера Сергеевна. И пошла открывать.

Открыла дверь: И попятилась назад.

Вошли трое, показали книжечки.

– Милиция, – сказал один. – Просьба всем оставаться на местах и предъявить документы.

Один из трех, в милицейской форме (двое были в штатском), прошел несколько в коридор и увидел покрывки.

– Вот они! – сказал он. – Даже не спрятали.

За столом сидели тихо, неподвижно.

Только Простой человек, повернувшись к зрительному залу, негромко, с искренним интересом спросил:

– А кто же тогда, граждане?.. А? Кто капнул-то?

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!